

Юрий Козлов: Наши беды – от примитивности.

23 июля писатель, главный редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов отмечает юбилей – 70 лет!



Литература литературе – рознь. Проза Юрия Козлова – особенная, поскольку особенен и он. Бесконечно скромный человек, Юрий Вильямович на самом деле – настоящая «ходячая энциклопедия». Причем знания его и эрудиция кажутся беспредельными: о чем ни зайти речь,

он мигом «вытаскивает из головы» какие-то фантастические знания, подробности, готов практически к мгновенному анализу литературных событий как далекого прошлого, так и настоящего. Хотя почему только литературных? Общественное и ментальное – базовые вещи в его произведениях, каждое из которых становится событием не только в литературных кругах.

23 июля исполнилось 70 лет известному писателю, прозаику, главному редактору «Роман-газеты», а также обозревателю и колумнисту «Вечерней Москвы» Юрию Козлову – автору более 30 книг, мастеру интеллектуального романа, философского и футурологического триллера. Мы от всей души поздравляем его с этим событием! А накануне юбилея мы поговорили с ним о главном деле его жизни – литературе и главной теме его творчества – нашем обществе.

– Юрий Вильямович, ваш отец, Вильям Федорович Козлов, был известным писателем, его «Президент Каменного острова» –

культовая книга для целого поколения. Неужели вам не страшно было вступать на ту же стезю, ведь вы обрекали себя на неизбежное сравнение с ним? Впрочем, у вас в семье уже сформировалась писательская династия – ваша дочь, Анна Козлова, тоже стала известным писателем и сценаристом.

– Время принятия решений – кем быть – пришлось у меня на водораздел в истории страны. С одной стороны, была реальность: отец, поколение близких ему ленинградских писателей, которых я, естественно, прекрасно знал – и Глеба Горбовского, и фронтовиков Федора Абрамова и Михаила Дудина, а также целую когорту детских писателей, поскольку все они либо бывали у нас дома, либо встречались в домах творчества, в которых я рос. Эта реальность включала в себя суровое постреволюционное время, жуткие 1930-е и войну. И все эти люди, в большинстве своем, кстати, бывшие беспризорниками, имели довольно жесткий взгляд на жизнь и хорошо развитые инстинкты выживания, поскольку повидали они и войну, и бомбежки. К власти они относились по-разному, но в целом признавали ее – как победившую в войне. Когда началась оттепель, они продолжали существовать в этой знакомой и привычной для них реальности, по своему графику и параметрам. Новое же поколение было другим. Оно слушало «Битлз» и «Голос Америки»*. При нем появилась исповедальная проза – Аксенов, Гладилин; начались дискуссии об искренности в литературе, да и кино стало более-менее похожим на кино. Две эти реальности, мне понятные, бессмысленно было сравнивать; они скорее были некими параллельными прямыми. И я это видел. В детстве никаких мыслей о том, что буду писателем, у меня не было, хотя я както ощущал или понимал даже, что моя будущая профессия будет каким-то образом связана со словом. Потом родители разошлись, и я спокойно поступил на редакторский факультет Полиграфического института, и только ближе к его окончанию начал что-то сочинять, опубликовал первые рассказы. Конечно, мне помогало то, что я всегда мог получить качественные советы по всем волнующим вопросам, поскольку приятели отца с удовольствием читали мои опусы. Но чтобы я как-то особенно «входил в храм

литературы»... Нет, такого не скажу. А уж совсем положила руку на сердце, зная изнутри, как непроста вся эта жизнь, как страдают зачастую писательские жены и родственники, я не особо в этот храм и стремился.

– Жестко... Значит, с обеими реальностями вы были знакомы... Как-то обрели место между ними или нашли себя в реальности третьей?

– Во время учебы я был предоставлен сам себе: отец писал, у мамы появилась новая семья. Так что у меня было достаточно времени на самообразование. Не сразу, но со временем я ощутил себя на некой границе между традиционной русской культурой, для которой характерен умеренный патриотизм, почтение к народу и духовным ценностям, и модерном, открывающим новые горизонты в творчестве. И писательскую свободу я почувствовал в усложнении традиционных образов и смыслов, утвердившись на некой точке своего собственного понимания окружающей жизни и происходящих событий. Да, многие советские реалии казались мне унижительными, довлеющими над мыслящей личностью наподобие подвешенной бетонной плиты. А мои герои сохраняли внутреннюю свободу, но все равно жили под этой плитой... И так, в противостоянии «плиты» и «свободы», формировались специфические характеры, и поначалу я не видел трагедии в обрушении плиты. А когда это произошло, окончательно осознал себя писателем, который занимается поисками выхода из тупика, но с не позиций логики и здравого смысла, а фантазий, утопий и антиутопий.

– Но вы начинали писать как реалист, мне кажется. И как отнесся к прозам пера ваш отец?

– Я начинал писать, опираясь исключительно на собственный опыт – детство, юношество. Потом написал «Изобретение велосипеда». Отец никогда особенно меня не ругал, высказывал различные пожелания, чисто по жанру, но рук мне не отбивал.

– А сейчас вы писатель-философ, автор романов для

интеллектуалов. Без обид: многие отмечают, что пишете вы сложно. Хотя можно сказать иначе: плотно, образно, с заныряванием на глубину. Мне повезло прочесть в рукописи ваш новый роман под рабочим названием «Слепой трамвай». Впечатлило, зацепило, но... сложно. Нет ли проблем с читателями, Юрий Вильямович? И что такое в целом «интеллектуальная литература»?

– Но у меня и не было никогда массового читателя – это у Пикуля он был, у Акунина... Интеллектуальная литература, не будучи массовой, все же структурирует литературный процесс, размечает высоты, куда потом подтягивается литература массовая. Когда читатель таких книг чувствует внутри текста боль и искренность, даже понимая, что автор заблуждается, он воспринимает его творческую концепцию как материализованную иллюзию. Это и есть нерв настоящей интеллектуальной прозы. Она расцветает там, где увядает линейная логика, а удельный вес обобщенного зла в обществе превышает вес добра. Что же касается «Слепого трамвая», то я писал его три года: так получилось, что его догоняли какие-то вещи – сначала ковид, потом ситуации со специальной военной операцией, и все это по ходу дела меняло в нем какие-то мысли и идеи. Обычно так не происходит, но тут избежать этого влияния было невозможно: сила притяжения магнитов этих вещей меняла даже структуру романа... В итоге все, что получилось, есть результат внутреннего развития, слово живое... И финал получился открытым.

– В романе удивительная героиня, ведущая с собой бесконечный диалог...

– Она особый человек. С одной стороны, у нее есть врожденные странные дефекты, а с другой – в ней высвободилась внутренняя энергия, которую она потратила на самообразование. От реальной жизни она отстранена, но ей открывается способность видеть то, чего не могут видеть другие.

–Многих зацепил ваш роман «Новый вор». А что из написанного самое ценное для вас? И, кстати, какие писатели были вашими кумирами?

– Мне трудно себя оценивать, тем более уже многие годы мы живем вне литературного процесса. Это когда я был молод,

произведения оценивались профессиональными критиками, а «Литературная газета» даже устраивала широкие обсуждения резонансных произведений, вокруг которых разгорались дискуссии и диспуты, и это было то, что и называется «литературным процессом». Все кипело: выстраивались какие-то иерархии, критики могли оценить писателя, опираясь на его предыдущие произведения, – сделал ли он шаг вперед или топчется на месте; к тому же написанное соотносили с более глубокими процессами в литературе в целом. Когда все это разрушилось, писатель, казалось, обрел ряд вождельных свобод – свободу творчества, а с другой стороны, свободу от авторитетов и даже от читателей. Раньше книги редактировались и были в каком-то смысле коллективным искусством, сейчас ничего этого нет. Впрочем, литература все это както пережила и встроилась в новый ритм, без критики и соотношения ее с происходящими процессами... А кумиры... Я всегда много читал, и нравились многие, но одного имени не назову. Классика! Я считаю, она закладывает память.

– Нужно ли нам возвращение «литературного процесса»?

– Такого «литературного процесса», который был в советское время, не будет уже никогда. Тогда возможность самовыражения и донесения до общества каких-то идей, которые это общество волновало, была невозможна в политике, но оставалась узкая дверка для этого в литературе. Поэтому любое произведение, стремящееся за эту дверцу выйти, пусть и корявенько написанное, как «Белые одежды» Дудинцева, становилось явлением. Сейчас этого нет и близко.

– С памятью у нас не очень: такое количество писателей забыты – из числа советских.

– И меня этот вопрос мучает! Георгий Семенов, Сергей Воронин – кто их читает сейчас? А как читали Галину Щербакову...

– ...или Радия Погодина и Анатолия Алексина.

– Так общество поменялось!.. В прежнем духовные идеалы были – пусть советские, ошибочные, но были. И когда после 1991 года все было заменено единым критерием – материальным, все стало

измеряться исключительно деньгами. А Алексин и Погодин не писали о деньгах или о проститутках, не описывали, как «выбиться в люди», став лидером «бригады». Перечисленные писатели ушли вместе с тем временем, с тем, что не востребовано, но это не значит, что к ним больше не вернуться, ибо все развивается по спирали и на каком-то новом ее витке все возможно. А вообще, общество наше остро нуждается в обновлении. Очевидно, какой-то этап существования человеческой цивилизации завершился, и мы подошли к некоему рубежу, после которого возможен либо качественный шаг вперед, либо... Либо, в соответствии с несколькими учениями, согласно которым уже было несколько цивилизаций, завершится существование и нашей как не оправдавшей надежд Творца.

– В новом романе вы много ссылаетесь на Оруэлла.

– У него было потрясающее чувство юмора! Если послушать наше радио или ток-шоу, не раз услышишь избранные речекряки**. И у официальных лиц наших, увы, часто мертвый язык, и в народном сознании он изначально воспринимается как ложь – так мы устроены. Так что все по Оруэллу.

– А вас раздражает то, что происходит с языком?

– Это немного не тот глагол. Я не уверен, кстати, что сам говорю красиво – если мы говорим об устной речи, но к письменной речи я предельно внимателен, поскольку устный речекряк – это одно дело, а письменный – другое. Русский язык в плане одушевления и интеллектуального освоения новых истин переживает сегодня непростые времена. Поразительно, но при этом у нас все же традиции работы с языком остались – по-своему работает с ним Виктор Пелевин, прекрасный язык у Юрия Полякова и, конечно, у Владимира Личутина (дай бог ему здоровья). Язык наш пока несет служебные функции в литературе, но идущего из глубины народной души развития языка нет, поскольку народ испорчен, отравлен радио, телевидением, интернетом... Все упрощается, делается примитивным, торгово-менеджерским, в литературу хлынули матерщина и пошлость. Вон, матом сейчас разговаривают. В мое время было не принято ругаться при девочках, но сейчас это никого не смущает, и

девочки сами прекрасно им владеют. Это все от примитивности...

– Вы всегда были общественно активны, сейчас на страницах нашей газеты не раз говорили о писательских проблемах и позитивно отзывались о работе АСПИР*. Что происходит там сейчас?**

– Отрадно, что АСПИР работает и с молодыми авторами, ныне занята разработкой базового издательского договора, как это было в СССР, а также помогает пожилым и болеющим писателям. Это все как-то структурирует литературный процесс, что очень важно.

– Наша литература всегда билась над разгадкой феномена русской души. Она есть?

– Она есть, и она своеобразная. Чем не похожа на другие – вопрос исторический. Она растянута в пространстве от Балтики до Тихого океана и живет тут – в суровом климате, непригодном для проживания более изнеженных душ. Русская душа внушаема, и в ней всегда есть нечто непредсказуемое, что другим внушает опасения. Духовное самоопределение русского человека не может состояться без участия власти и в отрыве от нее. Русский народ верит ей до последнего, но власть не должна этим злоупотреблять – у всякой покорности есть предел.

– А откуда во многих из нас такая нелюбовь к родной стране?

– Это тоже некая историческая особенность русской души. После 1991 года создалась целая система, которая была ориентирована на вхождение в западную цивилизацию. Все оставшееся от СССР стремились уничтожить, а перенимали чужое – вроде Болонской системы. Поэтому у нас разрушались медицина, образование, культура, а ныне мы имеем колоссальное сокращение населения. И да, есть и нелюбовь. Но есть и любовь! В России появились новые герои, психологию и взгляды которых еще предстоит осмыслить литераторам. Они жертвуют собой не ради богатства, не для приобретения авторитета, как бандиты в 1990-х, а по другим, неизмеримо более возвышенным, причинам. Такие понятия, как дух, твердость, мужество возвращают себе первоначальные смыслы. До недавнего времени успешными и состоявшимися

героями, в том числе и литературы, считались те люди, кто в марте и сентябре оказался в очередях на пограничных переходах. С ними все ясно. Но кем будут потом ощущать себя новые люди – героями или потерянными поколением? И как на этот вопрос ответит литература? Мы пока не осознаем, чем строительство «Третьего Рима» обернется лично для тебя, твоей семьи, страны. Об этом я и пытался размышлять в «Слепоем трамвае». Не исключено, что я назову его, с подсказки главного редактора «Вечерней Москвы» Александра Куприянова, «Ванькой-встанькой» – эта игрушка сыграет в романе необычную роль. Или слепой трамвай, едущий куда угодно, перережет Россию, или она, как ванька-встанька, качнется, но выстоит. А в целом будущее страны сейчас колеблется на весах. Пока его не разглядеть сквозь речи пропагандистов, но крот истории роет в сторону, которую выбирает сам. В стране – избыток говорящих и поддерживающих при дефиците думающих и готовых принимать ответственность за свои решения. Будем надеяться, что Лучший Автор – господь Бог – сочинит для России роман с благополучным концом.

*– *Заблокирован на территории РФ по решению Роскомнадзором.*

**– *Речекряк – термин Джорджа Оруэлла из романа «1984»: предполагалось, что в конце концов членораздельная речь будет рождаться непосредственно в гортани, без участия высших нервных центров, на что прямо указывало новоязовское слово «речекряк», то есть «крякающий по-утиному».*

***– *АСПИР – Ассоциация союзов писателей и издателей России.*

ДОСЬЕ

Юрий Вильямович Козлов – советский и российский писатель, прозаик, редактор, автор более 30 книг. С 27 лет – член Союза писателей СССР. С 2005 по 2011 год был начальником Управления прессслужбы Совета Федерации. С 2001 года по настоящее время является главным редактором журналов «Роман-газета» и «Детская роман-газета». Как редактор он ориентируется на современную российскую прозу, опирающуюся на классические традиции. Произведения Юрия Козлова переведены на китайский, японский,

немецкий, испанский, чешский, болгарский, польский, эстонский, украинский, казахский, азербайджанский и другие языки. Лауреат множества литературных премий.



Вместе с редакцией «ВМ»

мы поздравляем Юрия

Вильямовича с юбилеем и желаем

творческих успехов!

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**